

После полудня Линь Ишэнь ровно за пять минут до звонка шмыгнул в класс. Его взгляд машинально скользнул по макушкам одноклассников и безошибочно зацепился за затылок Цзи Хуая.

Молочный чай и сэндвич, которые он оставил на чужой парте, исчезли — то ли их выбросили, то ли съели.

В конце концов, на них ушла приличная часть его карманных денег, так что ему было любопытно, куда они делись.

Он не спеша вернулся на своё место. На этот раз Цзи Хуай оставил ему проход шириной всего в пару десятков сантиметров, но, к счастью, Линь Ишэнь был худым и, повернувшись боком, кое-как протиснулся.

Через секунду после того, как он сел, прозвенел звонок. Учитель химии Старый Фэн вошёл точно по расписанию, поправил на кафедре конспекты и, едва замолк звонок, тут же объявил о начале урока.

Линь Ишэнь подавил затаённое любопытство, выпрямился и сосредоточился на объяснении темы.

Вся вторая половина дня пролетела незаметно под монотонный голос преподавателя.

С переходом во второй класс старшей школы, где начиналась подготовка к экзаменам, все предметы перешли на этап сплошного повторения. В первый же день занятий ученики прочувствовали всю тяжесть выпускного класса.

Поскольку сегодня был только первый учебный день, школа проявила толику милосердия и отменила вечерние занятия на этой неделе. Однако к концу дня домашнее задание посыпалось лавиной: стопка с виду казалась тонкой, но на поверку в ней набиралось с десятков-другой бланков с тестами.

Неужели школьный бунтарь и впрямь заболел? Никогда ещё не было такого, чтобы он проспал целый день.

Линь Ишэнь отвлёкся на долю секунды, а Ли Сян уже собрал свои вещи.

Затем он вскочил, шмыгнул на своё место, подхватил сумку, загреб в охапку тесты и, словно боясь, что Линь Ишэнь заставит его остаться дежурить, вихрем вылетел из класса. Издалека донёсся его зычный крик:

— Староста, до завтра!

Пришедшие на учебу школьники ещё не растеряли тягу к баловству, и стоило урокам закончиться, как все разбежались. Вскоре в классе остались лишь дежурный Линь Ишэнь да всё ещё спавший Цзи Хуай.

В груди Линь Ишэня зародилась лёгкая тревога, но у него не хватало смелости связываться с Цзи Хуаем.

Линь Ишэнь против воли отступил на полшага назад и испуганно замахал руками:

— Я... я должен закрыть класс, поэтому...

Движения Линь Ишэня, собирающего тесты, на мгновение замерли. Он украдкой бросил взгляд на соседа по парте, проспавшего весь день. Убедившись, что тот не проснулся от криков Ли Сяна, он с каменным лицом отвёл глаза.

— Черт возьми, да это же верная смерть! Сколько же времени уйдёт на то, чтобы исписать такую прорыву тестов?

К концу уборки было уже около половины седьмого. Задвинув мусорное ведро за заднюю дверь, он вдруг заметил, что Цзи Хуай до сих пор не ушёл и, судя по всему, просыпаться даже не собирался.

Цзи Хуай видел весь его страх насквозь, и это зрелище казалось ему до боли отвратительным, пробуждая в глубине души беспричинный гнев и раздражение, которые уже не получалось сдерживать.

Ли Сян сидел задом наперёд: его стул балансировал на двух ножках и покачивался, а верхняя половина туловища безвольно распласталась на парте Линь Ишэня, издавая жалобные стоны беспомощной ярости.

Линь Ишэнь безжалостно шлёпнул Ли Сяна по нагловатой лапе, возвращая того в вертикальное положение, и, опушив голову и запихивая тесты в рюкзак, проговорил:

— Вместо того чтобы тратить время на нытье, помог бы мне убраться.

Альфа сверлил ошалелого бета взглядом суженных глаз, в которых бушевало пламя ярости.

Линь Ишэнь смертельно боялся, что Цзи Хуай вдруг сорвётся и изобьет его, поэтому его тело мелко и неудержимо дрожало.

Он протянул палец и робко ткнул Цзи Хуая в плечо, дрожащим голосом позвав:

— Цзи Хуай? Проснись, занятия уже закончились.

Может, ну его и пусть спит дальше?

Линь Ишэнь нервно теребил край школьной формы, но тут же вспомнил, что ему предстоит закрывать класс. Он ведь не сможет вечно сидеть здесь вместе с Цзи Хуаем и тем более не запрет его на ночь.

Услышав это, Ли Сян скорчил страдальческую гримасу а-ля Линь Дайюй и с театральным пафосом протянул:

— Староста, как же жестоко с твоей стороны быть таким сухарём.

Линь Ишэнь невольно усмехнулся, покачал головой, положил собранный рюкзак на парту, чтобы потом сразу забрать, поднялся на подиум и принялся стирать с доски.

Сначала Цзи Хуай никак не реагировал. Но после того как Линь Ишэнь набрался смелости и ткнул его еще пару раз, тот наконец шевельнулся и медленно поднял голову.

— Вали отсюда, ты мне тесты придавил.

С другими он мог обниматься за плечи и хохотать, с какой стати от него шарахаться как от чумы?

Он поднялся на ноги, и его рост под метр девяносто мгновенно накрыл Линь Ишэня, едва доросшего до метра семьдесят шесть, густой тенью.

Потоптавшись на месте пару минут, он наконец набрался мудрости... то есть храбрости.

Прищурившись, Цзи Хуай выдавил из себя жутковатую улыбку:

— Чего ты так меня боишься? Я тебя бил? Или я ем людей и могу тебя сожрать?

Однако сейчас выражение его лица казалось Линь Ишэню в точности как у людоеда.

— Н-нет.

Сглотнув слюну, он снова попятился, но возвышавшийся над ним парень не отступил ни на шаг — напротив, он пошел в наступление, тесня его шаг за шагом.

Линь Ишэню пришлось пятиться дальше.

Их парты и так стояли в самом конце класса, так что не прошло и нескольких шагов, как спина уперлась в стену.

Бежать было некуда.

Линь Ишэню поневоле пришлось встретиться взглядом с Цзи Хуаем, и тут он заметил, что у того глаза налились кровью, а дыхание было обжигающе горячим — как ни посмотри, а выглядел парень нездоровым.

У Цзи Хуая что, период гона начался?

В памяти всплыли уроки биологии за первый класс старшей школы. Сопоставив это с сегодняшним поведением Цзи Хуая, он понял, что всё в точности совпадает.

Альфы в период гона становились куда более раздражительными и вспыльчивыми, их эмоции скакали от крайности в крайность, они страдали от сонливости и усталости, а их разрушительная мощь просто поражала воображение.

Ситуация складывалась хуже некуда.

Давление, исходившее от Цзи Хуая, было слишком сильным. Даже для беты, не отличающегося особой чуткостью к феромонам, запах густого алкоголя, агрессивно заполнявший воздух, был ощутим физически.

В этом резком спиртном аромате отчетливо смешалась прохладная мятная нотка.

Врождённое стремление подчиняться альфам высшего порядка заставило ноги Линь Ишэня ослабеть. Куда уж его тощим рукам и ногам тягаться с обычным Цзи Хуаем, а уж против альфы в период гона у него и вовсе не было шансов выжить.

Он невольно вспомнил ту ходившую в школе страшную историю о том, как Цзи Хуай избил хулигана из третьей школы так, что того едва откачали в реанимации.

Линь Ишэня затрясло крупной дрожью, из глаз чуть не брызнули слёзы.

Он покосился на распахнутую настежь заднюю дверь в двух метрах от себя, словно видя в ней луч спасения.

Но прежде чем он успел воплотить план побега в жизнь, Цзи Хуай, словно умевший читать

мысли, взмахнул рукой и ударил ладонью о стену, заперев пытавшуюся сбежать мышку между своей рукой и бетонной поверхностью и начисто перекрыв единственный путь к отступлению.

Удар был такой силы, что Линь Ишэнь физически ощутил, как с побелки посыпалась известковая пыль, и вместе с ней, казалось, в мелкую труху разбилась вся его смелость.

— Куда собрался?

Цзи Хуай наклонился, и расстояние между ними мгновенно сократилось до предела. Прямой кончик носа почти касался лба Линь Ишэня, а волны горячего дыхания оведали лицо, отчего у того сладко заныло в пояснице.

В этот момент Линь Ишэнь походил на испуганного мышонка, которого кот загнал в угол, придавив хвост; выглядел он жалостнее некуда.

Однако виновник всех его бед вовсе не собирался его отпускать: другой рукой он ухватил парня за подбородок, заставляя запрокинуть голову и смотреть на него.

В его взгляде читался холод, а тон не предвещал ничего хорошего:

— Ты ещё не ответил на мой вопрос.

Да как Линь Ишэнь посмел бы ему ответить? Тот, кем он являлся сейчас, выглядел крайне ненормально! По правде говоря, если бы не стена за спиной, он бы наверняка уже растаял и потёк лужицей на пол.

— Ц-ц-цзи Хуай...

Линь Ишэнь от страха начал заикаться, глаза заволокла пелена слёз страха, но он не смел позволить им пролиться. Он боялся, что если заплачет, то окончательно выведет из себя этого лишённого остатков разума альфу, и тогда его точно придётся выносить на носилках скорой помощи.

Оранжево-красное солнце наполовину скрылось за горизонтом, небо постепенно темнело. Половина лица Цзи Хуая погрузилась в тень, скрывая выражение его глаз, однако поблёскивавшие холодным светом зрачки всё так же внушали ужас.

Вдруг неведомая чувствительная струна в нём дёргалась: альфа опустил корпус ниже и слегка повернул голову, зарывшись носом в кожу на шее Линь Ишэня и шумно втягивая носом воздух.

Как всем было прекрасно известно, железы вне зависимости от пола располагались на задней части шеи. То, что вытворял Цзи Хуай, тянуло на откровенное сексуальное домогательство —

окажись на месте беты омега, он бы уже давно затаскал его по судам.

Линь Ишэнь омегой не был и такой смелостью не обладал, поэтому он лишь попытался осторожно отклонить тело в сторону, чтобы хоть немного отстраниться. Но именно это незначительное движение окончательно вывело из себя альфу, чей рассудок висел на волоске.

— Чего прячешься? Я тебе настолько противен?

Цзи Хуай намертво вцепился пальцами ему в подбородок, силой возвращая лицо в исходное положение, а рука, упиравшаяся в стену, опустилась ниже, накрепко обхватив его за талию.

Он совершенно не сдерживал силу: Линь Ишэню показалось, что его подбородок онемел от сжатия, а от пронзительной боли слёзы больше не слушались и градом покатались из глаз.

— Цзи Хуай, Цзи Хуай, отпусти меня, пожалуйста, я больше не буду, я больше никогда не посмею тебя злить.

Он горько рыдал, заливаясь слезами так отчаянно, как ещё никогда в жизни. Линь Ишэнь решил: если ему удастся сегодня выжить, он будет держаться от Цзи Хуая на расстоянии не меньше восьми метров.

Слёзы капали на тыльную сторону ладони одна за другой, точно оборванные бусины, мгновенно намочив всю руку. Словно обжёгшись о раскалённый уголь, Цзи Хуай резко оттолкнул Линь Ишэня.

Тот сначала растерялся, но мгновенно сообразил, что сейчас — самый подходящий момент для побега. Забыв про рюкзак, он развернулся и бросился к задней двери. Однако не успел он сделать и двух шагов, как чья-то рука вцепилась ему в воротник и рывком оттащила назад, заставляя кубарем ввалиться в крепкие, пышущие жаром объятия.

— Я разрешал тебе уходить?

Словно шёпот самого демона прозвучал над ухом, пока руки преследователя намертво сковывали его талию и плечи.

Цзи Хуай опустил подбородок ему на плечо, и его нос легонько потёрся о кожу прямо над железой, заставляя по спине бегать мурашки.

— И не пытайся сопротивляться или убегать, тебе не понравится то, что будет дальше.

Голос Цзи Хуая хрипел от напряжения, а сам он тяжело и прерывисто дышал.

На этот момент Линь Ишэню было уже не до слёз — его внезапно осенило: помимо вспыльчивости и раздражительности, у альфа в период гона проявляется непреодолимое желание оставить Метку.

Он был не омегой, но пометить его тоже было возможно; правда, на бете такая Метка долго не продержится и очень скоро растворится.

Судя по нынешнему состоянию Цзи Хуая, неужели тот принял его за подходящую для метки добычу?

Линь Ишэнь судорожно втянул воздух и едва не лишился чувств.

В голове всё поплыло от головокружения. Почему его угораздило выпасть на дежурство именно в этот день и именно сейчас столкнуться с гоном Цзи Хуая? Какая же злая ирония судьбы!

Уроки закончились уже давным-давно, в учебном корпусе почти не осталось людей, и звать на помощь в этот момент было абсолютно бесполезно.

Цзи Хуай поволок его обратно к парте, усадил к себе на колени и снова уткнулся носом ему в шею.

Линь Ишэнь не смел даже шевельнуться, окоченев словно марионетка на ниточках.

А над самым ухом раздавался хриплый шёпот Цзи Хуая:

— От тебя так вкусно пахнет... ты случайно не омега?

<http://bllate.org/book/21021/2136835>